

магнитогорск ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Поэтическая галерея современников

Станислав Пустовит подарил библиотеке № 6 серию портретов магнитогорских мастеров слова

Рисовать он начал школьником, а в армии, кроме таланта художника, открыл в себе способности певца. Позднее пел в магнитогорской капелле – у него баритон на две с половиной октавы. В тридцать шесть окончил музыкальное училище по классу вокала, в сорок четыре – художественную школу. За долгие творческие годы Станислав Пустовит участвовал более чем в сотне выставок, из них два десятка – персональных.

За долгую творческую жизнь художник участвовал более чем в сотне выставок, из них два десятка – персональных

Владислав Аристов в числе самых удачных выделил портреты Алексея Атеева, Бориса Попова, Олега Хандуса и приветствовал саму идею галереи. Тем более, что «инных уж нет», а остальные, по признанию Риммы Дышаленковой о себе, портретами не избалованы.

– Не перестаю удивляться многообразию его проникновения в жизнь, – сказал о герое дня поэт Александр Павлов. – Он художник, поэт, философ. И в наше сумбурное время, когда каждый барахтается поодиночке, хотя бы друг о друге мы не разучились говорить доброе.

У литературной гостиной задачи шире, чем просто презентация творчества. Для неисключенного гостя она становится входом в мир творческих личностей.

– Так Атеев – это не псевдоним? Я давняя поклонница его творчества и была уверена, что под этой фамилией прячется известный писатель, – шептала в задних рядах читательница.

Для других литературная гостиная – давний дискуссионный клуб, пронизанный творческими спорами. Их отголоски слышались даже в мимолетных репликах.

– Эта портретная серия – намытый остров о людях, которые мучаются со словом в этом странном городе, – бросил Владислав Аристов.

– Что значит «странный город»? По каким признакам? – вскидывалась Римма Андрианова.

Магнитка у каждого своя. Портретная галерея Станислава Пустовита – еще один ее фрагмент.

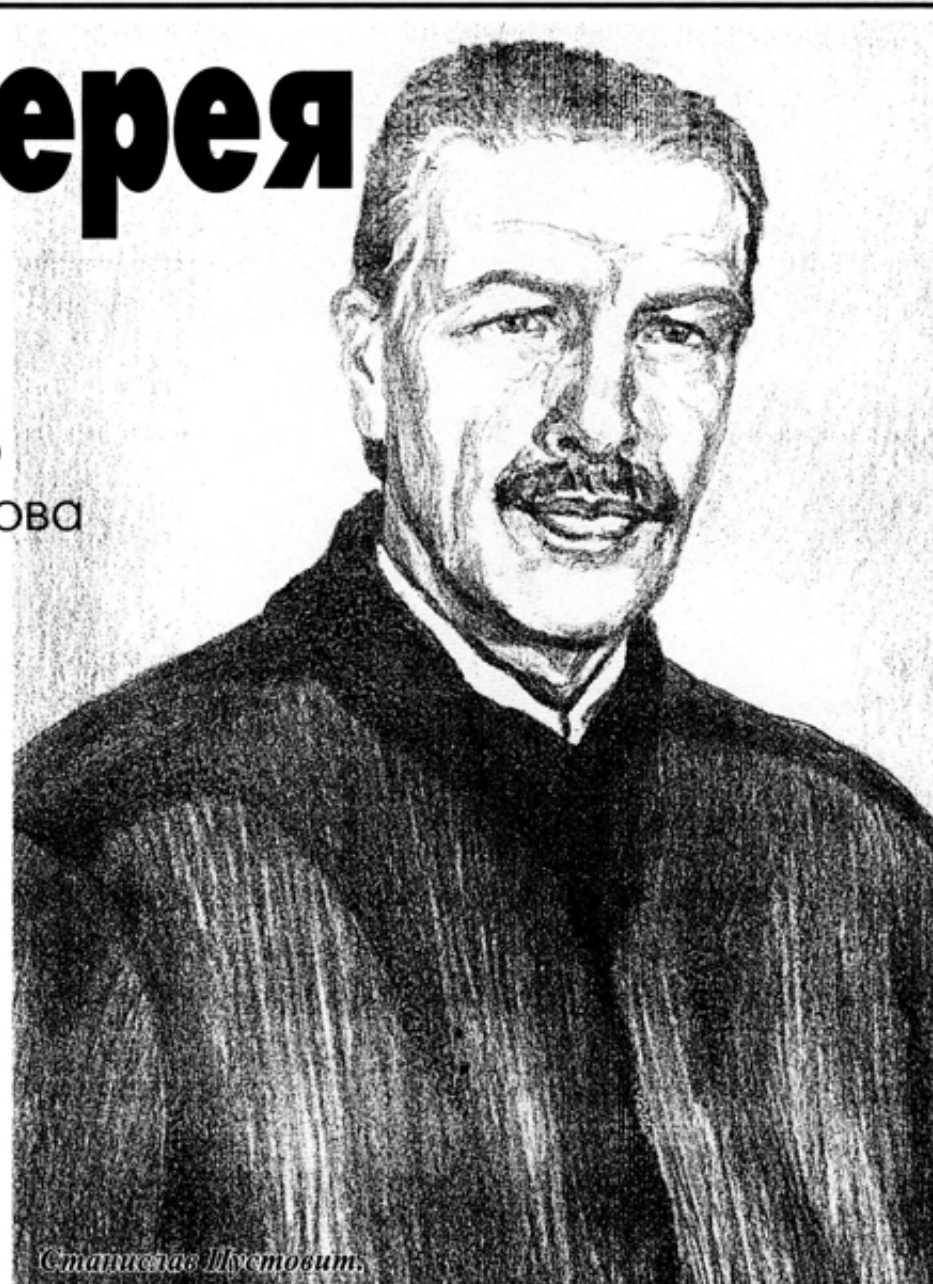
Алла КАНЬШИНА.

Алексей Атеев.

Игорь Варламов.

Станислав Пустовит.

Александр Павлов.

Александр Ерофеев.

«Слово с царственным ликом...»

Анна Турусова – поэт, прозаик и переводчик, член Союза писателей России. 30 октября ей исполнилось 70 лет

На литературном небосклоне Магнитки есть имена-звезды, которые не блекнут с годами. Есть писатели и поэты, при упоминании которых светлеет взгляд, теплеет на сердце. И пусть они не так известны, как их собратья по перу, это не умаляет их роли. Анна Александровна Турусова, на мой взгляд, относится к их числу.

Анна Турусова – в девичестве Бутяева, родилась и выросла в Магнитогорске в семье спецпереселенцев. Семья Бутяевых жила на Волге, была раскулачена и выслана на строительство Магнитки. Не понаслышке знала Анна, что лишиться еды было страшнее всего. О голодном военном времени, о вкусных лепешках из сладкой мерзлой картошки можно узнать из «горького» рассказа «Галюши»: «Когда снес яйца и пола приоткрылись, веник ручки вымыли и выносили наверх клубни, затерявшиеся в земле или ботве с осени. Наши мамы и бабушки перетерли их в муку и пекли оладьи. Многие семьи с трудом дотягивали до картофельных десантов – первого подножного корма».

Родители будущей писательницы были большими тружениками, чем заслужили почет и уважение окружающих. Отец Анны Александровны самоотверженно трудился на строительстве Магнитки, и с него, а, стало быть, и со всей семьи, было снято клеймо «раскулаченный». От своих родителей Анна Александровна унаследовала великое трудолюбие, мудрость и терпение. Именно эти качества характера позволили ей, по сути, не знаяшей русского языка, успешно окончить школу, и филологический факультет магнитогорского пединститута.

В студенческие годы Анна Бутяева пришла в литературное объединение, которым руководил Николай Воронов. Вместе с Анной Александровной первые шаги по литературной тропе делали Владимир Машковцев, Константин Нефедьев, Николай Курочкин, Виктор Павелин, Валентина Немова... На занятиях литературного объединения атмосфера творчества и дух взаимопомощи, во время обсуждения новых работ кипели страсти.

После окончания института Анну Ту-

русову оставили работать на кафедре иностранных языков. Но судьба делает неожиданный поворот – и в 1963 году героиню нашего рассказа приглашают на открывшуюся в Магнитогорске телестудию. Анна Александровна прошла путь от корреспондента до заместителя главного редактора. Стремление к творчеству – характерная черта этой красивой женщины. Работая на телевидении, она была в постоянном поиске, старалась понять, что будет интересно зрителям. Анна Турусова разработала проект передачи «Мы жили в палатке», участниками которой были поэты и писатели Магнитогорска. Так магнитогорцы познакомились с Михаилом Львовым, Ниной Кондратовской, Борисом Ручьевым. Живое поэтическое слово, возможность услышать авторскую трактовку произведений – этим привлекал зрителя цикл передач «Мы жили в палатке».

Благодаря Анне Александровне на магнитогорском телевидении стали традиционными литературные странички. Произведения наших земляков озвучивали профессиональные актеры. Со слов Анны Александровны, авторы прослушивали эти передачи до выхода в эфир и давали рекомендации актерам. Получался своеобразный сплав идеи автора и актера.

Работа на телевидении была интересной, сложной и насыщенной. Она требовала полной отдачи сил и здоровья. Телевидение находилось в самом начале становления, было слабо технически оснащено. Многие передачи вели в прямом эфире.

Взявшись за перо меня заставил не только приближающийся юбилей Анны Александровны. Хочется, чтобы магнитогорцы познакомились с ее творчеством. Изданы две книги Анны Турусовой: «Под стук колес» и «Пятёрка за «фонарь». Долог и труден бывает путь от создания книги до их публикации. Анна Турусова приняла участие в литературном семинаре (Пиншунда). Руководитель семинара Валерий Ганичев высоко оценил творчество Анны Турусовой, была рекомендована к изданию книга, отобранные рассказы для публикации в «Роман-газете». Но грянула перестройка, стало не до писате-

лей и не до книг. И все-таки первая книга «Под стук колес» увидела свет в 1989 году. Правда, был издан не отдельный сборник прозы Анны Турусовой, как планировалось ранее, а коллективный. В 1997 году Анну Турусову приняли в Союз писателей России по рекомендации Риммы Дышаленковой и Николая Воронова – ее наставника на литературном поприще.

Произведения Анны Турусовой с большим интересом читают и дети, и взрослые. Высокую оценку своему литературному труду писательница получила в 2003 году – книга «Пятёрка за «фонарь» удостоена литературной премии имени Константина Нефедьева. Член Союза писателей России, поэт Александр Павлов так оценил труд: «Книга написана незамысловатым и чистым языком, зримо и ярко рисующим характеры и судьбы в самых разных проявлениях. Читатель и ловишь себя на мысли: как все просто и безыскусно, но как западают в душу события и персонажи. Видно, в каждом повествовании найдена та неподдельная, искренняя интонация, списанная из собственного сердца и жизненного опыта, которая и заставляет читателя, и взволнованно ведет за собой...»

В 70-е годы Анна Александровна с мужем, специалистом в области металлургии, жила в Иране и Пакистане. Жизнь в городе советских специалистов подарил рождество для многих произведений. Писательница не говорит громких слов о Родине, но в рассказах «Многоуважаемый граф» и «Сверчок» истосковывавшаяся героиня радуется родному сверчку и коту, которые напоминают ей о доме: «В доме тихо. Ни радио, ни телевизора. Гнетущее безмолвие. И тут подает голос сверчок. Звонкое веселое цикаканье разносится по всему дому. Что ему азан, если он безбожник? Пришла ночь, пора обходить свои владения».

Тоска по Родине не покидала Анну Турусову, и даже во снах она улетала на родной Урал, в Россию: «Вдохновенное шальное, немолчное стрекотание кузнечиков в июльском разнотравье родного Урала. Они, конечно, голосистес. Да и что удивительного? На просторе и поется вольнее. Очутись я сейчас на лугу, в росистых лиловых зарослях матрешки, да разве я бы не запела?»

Я плотнее закрываю глаза и ухожу в луга. Слышу шорох поднятого журавельника, чувствую под босой пяткой теплую шершавость давно нехоженой тропы. Скорбит шмели, отыскивая что-то свое совсем близко от меня. Над ними вылетают прелестные бабочки-голубянки. Томится, запутавшись в травостое, одинокая березка-подросток. А кузнечики стрекочут, стрекочут, и знакомо-знакомо, шемше-шемше пахнет чабрецом.

Я невольно делаю вдох и соскакиваю: в духовке доходит хлеб, который мы печем сами из рисовой муки. Не желая того, я стою, изучая запах горячего хлеба. Но не Русью пахнет, нет, не Русью... Какая любовь к Родине и тоска звучат в этих строчках! Невольно начинаешь ценить такие, на первый взгляд, привычные вещи: тоненькую уральскую березку, величественные горы, стрекот кузнечиков.

Анна ТУРУСОВА Берегиня

Ах, какие слова: героиня! графиня! княгиня! Сколько в них серебра и тепла соболиных мехов. Но жила на Руси слово царственное – берегиня. Жаль, осталось оно под невидимой толщей веков. В этом слове простом лебединая женская поступь и невест чистота, и отгадка седых матерей. Отчего же оно велико стало нам, не по росту? Отчего не вошло даже в сонный простор словарей? Отбоясь, ослабев, умирало красивое слово, и на слово бедней стала гордая русская речь. Может, в нынешний век, опаленный, не в меру суровый, стало призрачным все, что мы призваны были беречь? Но ведь есть корабли, значит, есть берега ожиданий. Нежность девичьих рук и напев колыбельный в ночи. Берегиню быть – выше всяких призывов и званий, Берегиню быть, пока женское сердце стучит. Возродить его – слово с нежным и царственным ликом – Нам не только наш Бог, материнства огонь повелел. Берегинями быть в самом малом и в самом великом – От тепла очага и до счастья для всех на земле.

ДЕБЮТ «Я лишь вечности внимаю...»

Иван Попов – ученик восьмого класса гимназии № 18. Поэзию любит с детства. Первая публикация была в «Магнитогорском металле». Победитель конкурса «Дебют-2006» в номинации «Поэзия».

Иван ПОПОВ

Я плыл, как рыба, по теченью дней.
Возник вопрос в мерцании огней:
Зачем мне жить? На сей вопрос ответ
Я не найду – его, наверно, нет.
И если нет ответа на вопрос,
То тех, кто ищет цель, мне жаль до слез.
А если есть – не мне его найти,
Ведь я не вижу верного пути.
Тот путь, которым в жизни я иду, –
Не для меня, он избран был в бреду.
Но только в нем – спасенье от судьбы,
Которой ничем мои мольбы.
Спустился мрак, и мне покоя нет,
Но день придет, и я увижу свет.

Сознание

Рай возвращается тогда,
Когда не замечаешь ад.
Всплыла темная вода –
В нее ты устреми свой взгляд.
И истину прозреешь ты:
Вот эта темная вода
Есть отражение мечты.
Она не сбывается – беда,
Что каждый видит там свое,
А каждому не угодишь.
Моя мечта – лишь глать да тишь
И отражение мое.
Беда нам с этой жистью водой,
Ведь веет от нее бедой.

Стражник мира мертвых

Мне пришел во сне однажды
Образ мира в черной бездне.
Понял я, как бесполезна
Жизнь моя, эскапада, бездна.
Повторять не буду дважды –
Мир готов упасть во тьму,
Тень накрыла все границы.
Легче просто утонуть,
Чем за жизнь все время биться.
Жизнь жестока, посему
Нам пора во тьму.
Ничего не понимая,
Мир я вижу как в тумане,
На меня напал морок.
Мрачный стражник мира мертвых,
Вновь порхает мотылек.
Мрачный стражник мира мертвых,
На меня напал морок.
Мир я вижу как в тумане.
Ничего не понимая,
Я лишь вечности внимаю –
С ней пребуду наравне.
Если тень придет извне,
Затаится в глубине,
Всем забвенье предлагая,
Согласуешь ли на забвенье?
Да, от мира отрешиться,
Стать подобным вольной птице
Не могу не согласиться!
Приму без сожаленья
Свое забвенье.

Прикован точно цепью я, как раб,
Жить вынужден бессмысленно и скучно.
Душа моя витает неотлучно
В чудесном мире, где не так я слаб,
А тело – здесь, не оторваться мне
От материального, что надоело
Уже давно. Душа моя запела:
«Ты заточен навеки в своей тюрьме!»
Тебе спасибо, Всемогущий Боже,
За то, что ты на жизнь меня обрек,
Которая на деле – как морок.
И лучше жизни – смерть, быть может.
Ни шум ручья, ни песенка синицы
Ты не рассеешь, что в моей темнице!

Пронюхав в темном подполье,
Дрожь, как будто бы с похмелья,
Шаги послышались за дверью,
И понял ты, что обречен.
Затем открылась дверь подвала,
Где мука в воздухе витала,
И мирозданье задрожало,
Ведь это был лишь страшный сон.
Ты вышел из объятий смерти,
Исчез в небесной кулуарности.
В аду вопли громко кружили,
Что душу ты отдал в залог.
Ты не живой, но и не мертвый.
Вдруг вспыхнул чероглистый стертый
И загорелся воздух смертный
На жизнь не выплачен налог.
Ты растворился в бестелесном свете,
Вопрос остался без ответа.
Сквозь время протекает Лета,
Храня неведомую суть.
Ты заставляешь в муках ада,
Как человек, испивший яда,
Последнего не клупа взгляда
На жизни бесконечный путь...

Ироническое

«Я называл себя поэтом...
Было дело, было дело!»
Б. Попов.
«Я поэт. Мое имя дурак
и бездельник – по мнению
многих».
Б. Чичибабин.

Я вернулся из Кореи... Было дело, было дело!
Прохлаждался там все лето, а теперь пора домой.
Но работать я не буду – это тоже ведь не дело:
Строго охраняю право я на личный отдых свой.
Я вернулся из Бангкока... Было дело, было дело!
Делать нечего мне было – и поехал я в Бангкок.
Так все лето проболтался я в Бангкоке – и без дела,
Возвратился я обратно, ведь работать я не смог.
Я вернулся из Китая... Было дело, было дело!
Прохлаждался среди китайцев я три месяца в году.
А теперь домой вернулся и боюсь тут без дела,
Потому что я работаю не в какую не иду!

Наталья ТРОНИЦКАЯ,
старший научный сотрудник
квартиры Б. Ручьева.